
ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.1; 398.2; 398.33; 398.41; 398.54
DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-32-38

Специфика нового полевого материала в корпусе тома по сказочной прозе бурят

Б.-Х. Б. Цыбикова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Аннотация

Статья посвящена характеристике нового полевого материала, собранного в последние несколько лет у бурят, проживающих в Китае, который планируется включить в готовящийся к изданию том в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Специфика новых экспедиционных записей по традиционному фольклору бурятского этнического локуса в КНР, отобранных для включения в том «Сказочная проза бурят», заключается в мифологичности сюжетов, в которых ярко выражено мифопоэтическое восприятие окружающей действительности носителей традиции. В них запечатлелись фрагменты этнической картины мира, позволяющие судить о религиозно-мифологических верованиях древних людей, специфичности их мировосприятия и мифологического сознания. Самобытностью отличаются сюжеты из традиционной мифологии монгольских народов о появлении первых людей, созвездий, установлении определенного мироустройства, некоторых предписаний и норм. Согласно древним воззрениям, творцом миропорядка выступает хан Хурмаста / хозяин Хурмаста. Подобным мифологическим контекстом отличаются также сюжеты о почитании небесных, земных покровителей, огня, духов локусов, основанные на древних архетипических символах.

Ключевые слова

сказочная проза бурят, сюжеты с мифологической основой, буряты Китая

Для цитирования

Цыбикова Б.-Х. Б. Специфика нового полевого материала в корпусе тома по сказочной прозе бурят // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43). С. 32–38. DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-32-38

© Б.-Х. Б. Цыбикова, 2022

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 1 (iss. 43)

Specificity of the new field material in the corpus of the volume of non-fairy tale prose of Buryats

В.-Kh. B. Tsybikova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract

At present, the manuscript of the volume “The non-fairy tale prose of the Buryats,” compiled for the series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East,” presents the etiological, mythological, legendary, historical narratives that are the most characteristic of the Buryat ethnic tradition. Despite covering the most characteristic thematic plots and motives of the non-fairy tale prose of Buryats, the text lacks mythological works and stories with a mythological basis. This lacuna can be somewhat filled by expeditionary records made in Inner Mongolia region of China from the ethno-territorial group of Buryats living in the Shenehen area. Thus, it is proposed to include the mythological stories about how the first people appeared, why the constellation of Ursa Major is called the Seven Elders, why Buryats began to read the lamb scapula. Noteworthy are the records featuring a supreme deity of heavenly origin as the main character, the initiator of ordering the sequence of changing years and creating a twelve-year calendar cycle, each year corresponding to one of the animals. Also, it is worth including the “explanatory” stories, recorded among the Buryats of Inner Mongolia, based on the people’s ancient knowledge of the ethnological peculiarities of Buryat life. Thus, the forthcoming volume will include authentic textual sources based on ancient mythological views of people about the existing universe and world order, shamans and lamas having magic powers, foresight, and other non-standard superpowers, also based on explaining the specificity of ethnic elements of Buryat culture and everyday life.

Keywords

non-fairy tale prose of the Buryats, plots with a mythological basis, Buryats of China

For citation

Tsybikova В.-Kh. B. Spetsifika novogo polevogo materiala v korpuse toma po nesказochnoy proze buryat [Specificity of the new field material in the corpus of the volume of non-fairy tale prose of the Buryats]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 1 (iss. 43), pp. 32–38. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-32-38

В бурятский блок серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» наряду с другими фольклорными жанрами включен том несказочной прозы. В порядке первичной подготовки этого тома была представлена рукопись с образцами мифов, легенд и преданий бурят, но подобранный материал для формирования названного тома стал неактуален в силу ряда причин. Во-первых, тексты, собранные одним из исполнителей (Н. О. Шаракшиновой), составлявшие внушительный объем рукописи, забрала ее семья в целях самостоятельного отдельного издания. Во-вторых, необходимость включения в рукопись материалов, подготовленных вторым исполнителем (В. Ш. Гунгаровым), отпала по причине того, что значительная их часть была опубликована на бурятском языке; при их повторном издании, уже в Серии, был бы нарушен один из ее основополагающих принципов – принцип инедитов. Первичность и новизна публикуемого материала является основой научно-издательской практики сибирской фольклорной Серии. Основное требование серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» заключается в тщательном отборе высокохудожественных образцов и особая их подача [Кузьмина, 2017, с. 6], поэтому для составителей томов на начальном этапе работы определяющими являются поиск и подбор текстов в результате изучения всего имеющегося фольклорного фонда [Там же, с. 7].

Вновь сформированному авторскому коллективу тома несказочной прозы бурят (Б.-Х. Б. Цыбиковой и Н. Н. Николаевой) пришлось начать с изыскательской работы для формирования корпуса тома. Работая с экспедиционными записями в архивном фонде Института – Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, – мы стремились для представления в Серии отобрать наиболее «популярные, часто встречающиеся сюжеты», показывающие «степень устойчивости и изменения традиции» [Лиморенко, 2016, с. 11].

На данном этапе корпус готовящейся рукописи «Несказочная проза бурят» представлен наиболее характерными для несказочной прозы народов Сибири нарративами: этиологическими, мифологическими, легендарными, историческими, которые в целом соответствуют классификации, предложенной Е. Н. Кузьминой [2008, с. 70–71]. Отобранные образцы относятся к произведениям устного творчества, записанным в разные годы в среде разных этнических бурятских групп Республики Бурятия, Иркутской области, Забайкальского края, Монголии.

Наиболее архаичными являются мифологические и этиологические сюжеты и мотивы, с помощью которых древние люди пытались в художественной форме интерпретировать свои познания об окружающем мире и передать их последующим поколениям. Кроме того, устные повествования с мифологической основой относятся к области традиционных верований и обрядовой сфере, где регламентируется поведение человека на охоте, в домашнем быту, по отношению к сакральным объектам и т. д.

Отдельную группу текстов составили предания о генеалогии бурятских родов, которые подразделяются на предания мифологического и исторического характера.

Следующий обширный блок представлен историческими нарративами о поездке бурят к Петру I в 1702 г.; о проведении российско-китайской границы в период с 1725 по 1727 г.; о посещении Забайкалья цесаревичем Николаем в 1891 г.; о создании Хоринской степной думы в 1824/1825 г.; существуют единичные тексты очевидцев исторических событий – об участии бурят в тыловых работах в период первой мировой войны, о событиях после октябрьского переворота 1917 г.

В томе определенное место займут устные исторические рассказы локального характера об известных личностях, местных чиновниках, религиозных деятелях: о Батане Туракине, предводителе делегации бурят к Петру I (1702 г.); Савве Рагузинском, участвовавшем в проведении российско-китайской границы в должности посла России в Цинской империи (1725–1727 гг.); главе Хоринской степной думы Дамбе-Дугаре Иринцееве, находившемся в этой должности с 1768 по 1804 г.; первом бурятском ученом Доржо Банзарове (1822–1855 гг.); главе Баргузинской степной думы Цэдэб-Жабе Сахарове, правившем в конце 80-х гг. XIX в.; тайшах кударинских бурят (XIX в.).

К ним примыкают тексты о героях из народной массы (о Бабжа Барас баторе; Шэлдэй Занги; Барга баторе; Бальжан хатан; Хайбай баторе; Сухэр-ноёне (Шухэр-ноёне); Шоно баторе); о людях с врожденными способностями, отличающих их (о силачах; о мудрецах-предсказателях; о борцах за справедливость; о служителях культа).

Несмотря на то, что предназначенный для включения в том текстовый материал отражает наиболее характерные тематические сюжеты и мотивы несказочной прозы бурят, недостаточно было, на наш взгляд, произведений мифологического содержания, повествований с мифологической основой. Эта недостаточность в определенной степени восполнится новым фольклорным материалом, записанным в последние несколько лет у локальной группы бурят, проживающих в местности Шэнхэн Хулун-Буирского аймака Эвенкийского хошуна Автономного района Внутренней Монголии, где в основном расселилась бурятская диаспора в Китае, образовавшаяся в результате миграционного движения бурят из России в начале XX в.

Наиболее ценными из полевых записей представляются тексты, насыщенные мифологическими элементами, содержащие архаические представления носителей традиции, которые на своем уровне интерпретируют окружающий мир и выражают его в примитивных художественных образах. В этом плане примечательны мифологические рассказы о том, как появились первые люди («Давняя, стародавняя легенда о человеке и людях» – «Хүн түрэлхитнэй тухай балар эртнэй домог»¹; почему созвездие Большой Медведицы называется Семь Старцев («Легенда о семи бурханах» – «Долоон бурханай домог»²); о значении бараньей лопатки («О том, как баранья лопатка стала [предметом] для гадания» – «Хониной дала мэргэн болһон тухай»³).

В рукописи предстанут также несколько текстов, в которых главным персонажем является высшее божество, имеющее небесное происхождение: *Хурмаста тэнгэри* – ‘Небо Хурмаста’, *Хурмастын эзэн* – ‘Хозяин Хурмаста’. Ему приписывается создание небесных светил и установление смены вре-

¹ Общий архивный фонд Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, инв. № 2914.

² Там же.

³ Там же.

мени суток; у него есть полномочия распоряжаться, кто и чем будет питаться; даровать зверям и животным ценный мех, шкуру, клыки и наделять их полезными для человека особенностями, как, например, обладание рогами, желчью, кровью с целительными свойствами («Хурмаста распорядился, кто чем будет питаться» – «Хурмаста хэн юу эдхэб гээжэ зарлаба»⁴). Хурмаста выступил инициатором упорядочения смены годов, указал людям, как различать смену времени суток и повелел, чтобы их по утрам будил петух («Легенда о том, как петух попал в двенадцать годов» – «Тахья арбан хоёр жэлдэ ороһон домог»⁵). При этом, согласно мифологическим нарративам шэнэхэнцев, он решил, чтобы каждый год соответствовал одному из двенадцати животных («Повелитель Хурмаста установил двенадцать годов» – «Хурмастын эзэн арбан хоёр жэл тогтоохон байгаа»⁶).

Если у российских бурят группа мифологических рассказов об установлении двенадцатигодичного цикла ограничивается широко распространенным сюжетом о том, почемумышь возглавляет начало этого цикла, то у бурят Внутренней Монголии наряду с рассказом об установлении Хурмастой календаря животных («О том, какмышь стала возглавлять начало двенадцатигодичного цикла» – «Арбан хоёр жэлэй ахалагша хулгана жэлэй ерэлтэ тухай»⁷) записаны тексты о том, каким образом собака и курица попали в этот цикл («Легенда о том, как собака попала в двенадцать годов» – «Нохой арбан хоёр жэлдэ ороһон домог»; «Легенда о том, как петух попал в двенадцать годов» – «Тахья арбан хоёр жэлдэ ороһон домог»⁸); о том, почему Хурмаста посчитал, что верблюд и кошка не могут быть в списке двенадцати подходящих животных («Легенда о том, почему верблюд не смог попасть в двенадцать годов» – «Тэмээн арбан хоёр жэлдэ оржо шадаагүй тухай домог»; «Легенда о том, почему кошка не смогла попасть в двенадцать годов» – «Хээсхэй арбан хоёр жэлдэ оржо шадаагүй тухай»⁹). Таким образом, можно сказать, что устные мифологические рассказы о появлении двенадцатигодичного календарного цикла, существовавшие не только у монголоязычных народов, но и у других азиатских и тюркских народов России, у китайских бурят сохранились и бытуют в более развернутом виде.

Характерной особенностью древних мифологических повествований является отраженное в них представление о единстве природы и человека, свойственное мировоззрению древних людей. Его отголоски сохранились до наших дней в фольклоре зарубежных бурят, в том числе в обряде поклонения огню. Без огня и воды немислима жизнедеятельность людей, у многих народов поклонение огню относится к числу древнейших культов. Бурятами огонь воспринимается как покровитель одновременно и конкретного человека, и семьи в целом. Из экспедиционных записей в планируемый том будет включен текст о почитании бурятами хозяина огня под названием «О духе-покровителе огня» – «Галай заяашын тухай»¹⁰, в котором говорится о ритуале подношений. Проводя обряд угощения огня, как было зафиксировано в вышеуказанном тексте, обращаются к духу огня со следующими словами: *Галай эзэн бурхантан, абарыта, манай гэрэйхид ехэ эльбэрэлтэй зон юм дээ. Тэдэ үглөөнэй сангай, хи морьнойхи, үдшын сангай, үглигын гээжэ боро хараанда хүншүүгөөр эдеэлдэг хи бээтэн садаг гээд лэ, үдэшэ, үглөө сан-бун табижал байдаг. Набдаг-сабдаг намайе үдэр бүри садхадаг даа, баярлулдаг юм байха. Манайл хони, малда бү халдаг даа – ‘Бурхан, являющийся хозяином огня, благодетельствуйте [нас], мы, члены нашей семьи, с большим почтением относимся к вам. Они и вечером, и утром разводят огонь с дымом, чтобы насытились те невидимые существа, которые питаются дымным чадом при утреннем разжигании огня, для воздушного коня, при вечернем разжигании для щедрых подношений. Хозяева-хранители местности доставляют каждый день мне достаточно еды, доставляют мне радость. Пусть [недобрые духи] не покушаются на наших овец и скот’.*

Шэнэхэнские буряты сравнивают огонь со священным и в то же время гневным божеством. Задабривая хозяина очага и прося благополучия, они до сих пор поддерживают древнюю традицию угощения огня первинками чая с молоком, белой пищей, лучшим куском мяса, жира.

⁴ Общий архивный фонд Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, инв. № 2914.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Не менее примечательны, на наш взгляд, записанные во Внутренней Монголии устные рассказы об особенностях быта бурят, в которых также имеется мифологическая основа и отражаются древние знания людей. Таковы тексты о том, почему буряты стали почитать степную богородскую траву – *ая ганга* («Как появилась богородская трава» – «*Ганга хайшан гээд бы болооб*»¹¹); о сакральности цифры девять («О цифре девять» – «*Юнэ гэдэг тоогой тухай*»¹²); о значении войлока в жизнедеятельности кочевника («История о войлоке» – «*Гээы тухай*»¹³); о появлении ритуала, связанного с бараньей лопаткой («История о бараньей лопатке» – «*Хониной дала тухай*», «Как стали гадать по бараньей лопатке» – «*Хониной дала мэргэн болһон тухай*»¹⁴). Включение в том подобных «объясняющих» рассказов, в которых очевидно сильна мифопоэтическая направленность, расширит тематическое разнообразие представляемого материала, усилит его познавательную ценность.

В планируемом томе блок преданий о генеалогии бурятских родов пополнится еще одним оригинальным текстом с названием «Легенда о том, как у одной шаманки появился сын от сивого быка» – «*Хүхэ бухын хубуутэй болһон нэгэ удганай домог*»¹⁵. Фабула шэнэхэнского повествования соответствует широко бытующему в Прибайкалье генеалогическому преданию о происхождении эхиритов и булагатов: «Провела обряд почитания [высших божеств] и *даллага*¹⁶ и попросила, говорят, она сына. После этого подошел к ее кровати серо-сивый бык с рыком, рычанием, мычанием; стал [он] передними своими копытами рыть твердую почву до тех пор, пока [не появилась] вмятина, лбом и носом раскромсал землю так, что [она стала] мягкой, и разлегся, говорят, он там. Шаманка, у которой изо рта пошла белая пена, как только увидела это, подбежала [к нему] как будто на крыльях. Когда [она] приблизилась к нему, то в [том] месте, где бык сделал углубление, лежал ребенок в железной колыбели» («Легенда о том, как у одной шаманки появился сын от сивого быка»).

Несмотря на совпадающую общую мифологическую составляющую о появлении мальчиков (один – с участием быка, а другой вышел из волн Байкала), ключевое звено сюжета о прародителях названных выше этнических групп бурят в записанном в Шэнэхэне тексте трансформируется в иную плоскость – о том, как бездетная женщина, обретя статус матери, избежала смерти. Несмотря на близость к преданиям о генеалогии двух западно-бурятских родов, этот текст интересен тем, как трансформируется известный сюжет, отражая характер модификации традиционной сюжетной матрицы в соответствии с особенностями локальной этнической истории китайских бурят. Популярный у российских бурят сюжет о тотеме бурятских родов в устах исполнителей другой этнической принадлежности утратил ключевое звено – историю происхождения прародителей эхиритов и булагатов и получил совершенно иную окраску в завязке развития событий. Думается, что включение подобных вариативных произведений послужит дополнительным материалом для комментариев и сравнительного анализа.

Группа текстов о шаманах и шаманках, обладающих даром телепортации, сверхъестественными способностями пополнится еще одной новой экспедиционной записью о чудесных способностях шаманки Галзу Халзан («О шаманке Галзу Халзан» – «*Галзуу Халзан удаган тухай*»¹⁷). Кроме того, тематически близок к данной группе текст, записанный в Шэнэхэне, под названием «О том, как лама и шаман состязались в своих умениях» – «*Лама, бөө эрдимээ үзэлсэдэг байһан тухай*»¹⁸, относящийся к широко бытующим у бурят сюжетам о противостоянии шаманов и лам. Традиционно существовавшие трения между приверженцами двух религиозных культов (шаманистов и ламаистов) послужили темой конфликта в несказочной прозе не только бурят, но и других монголоязычных народов.

В ряду записей, расшифрованных и выбранных для включения в том, оригинальным представляется текст с мотивом о существовании в раннее время каннибалов, относящийся к устным повествованиям демонологического характера, куда причисляются сюжеты о духах (*боохолдог, заянах*), зоантропо-

¹¹ Общий архивный фонд Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, инв. № 2914.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Даллага* – обряд призывания счастья и благополучия

¹⁷ Общий архивный фонд Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, инв. № 2914.

¹⁸ Там же.

морфных духах низшей шаманской демонологии (*ада*), оборотнях (*ороолон*), людоедах (*харшан*). Согласно шэнэхэнскому произведению («О том, как стали есть человеческое мясо» – «*Хүнэй мяха эдьдэг болоһон тухай*»¹⁹), одной из версий, объясняющих, почему некоторые древние люди ели мясо человека, является употребление ими в пищу печени верблюда, а она, как поясняет исполнитель, очень похожа на печень человека. Если человек однажды попробовал печень верблюда, то у него появляется потребность постоянно употреблять человеческое мясо. Такова народная интерпретация этого явления. Кроме того, схожий текст под названием «Людоеды» есть у тувинцев, в котором говорится, что «Есть и другие рассказы о том, что когда-то ели человежье мясо: нет, мол, ничего вкуснее человеческой печени. Кто хоть раз попробовал ее, тот всегда будет есть людей» [Мифы и легенды народов мира, 2004, с. 34]. Надо заметить, что сюжет о людоедстве содержится в бурятских сказках [Бурятские народные сказки, 1976, с. 61–67], также зафиксирован в отдельных районах Бурятии²⁰, в Хэнтэйском аймаке Монголии²¹. Следует заметить, что бытование сюжетов об оборотнях (*ороолон*, *шолмос*), о людоедах (*мяхашан* / *харшан*) чаще наблюдается в репертуаре хори-бурят, в том числе шэнэхэнцев, в то время как подобные тексты не зафиксированы в локальной традиции западных бурят, исповедующих в целом шаманизм.

Итак, специфика новых экспедиционных записей по традиционному фольклору бурят Китая, отобранных для включения в том «Несказочная проза бурят», заключается в мифологичности сюжетов, в которых ярко выражено мифопоэтическое восприятие окружающей действительности носителей традиции. В них запечатлелись фрагменты этнической картины мира, позволяющие судить о религиозно-мифологических верованиях древних людей, специфичности их мировосприятия и мифологического сознания. Самобытностью отличаются сюжеты из традиционной мифологии монгольских народов о появлении первых людей, созвездий, установлении определенного мироустройства, предписаний и норм. Согласно древним религиозно-мифологическим воззрениям, творцом миропорядка выступает хан Хурмаста / хозяин Хурмаста. Подобным мифологическим контекстом отличаются также сюжеты о почитании небесных, земных покровителей, огня, духов локусов, основанные на древних архетипических символах.

Сохранность древних традиций устного творчества характерна для анклавной традиции, оказавшейся в иноэтническом окружении. Объясняется это тем, что бурятские мигранты изолированы от титульной нации и ведут традиционный образ жизни, что позволило им сохранить «многие архаичные черты и мифологические представления, в настоящий момент уже утраченные в материнской культуре» [Юша, 2016, с. 130].

Таким образом, в состав корпуса готовящегося тома «Несказочная проза бурят» будут включены «достоверные текстовые источники, иллюстрирующие фольклорное богатство» [Кузьмина, 2017, с. 11] бурят, представляющие наиболее распространенные сюжеты и мотивы произведений, входящих в фонд несказочной прозы. Они основаны на древних мифологических воззрениях людей о существовавшем мироздании и миропорядке, шаманах и ламах, обладающих даром телепортации, предвидения, сверхъестественными способностями; кроме того, построены на пояснении своеобразия этнических элементов культуры и быта бурят.

Список литературы

Бурятские народные сказки / Сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 445 с.

Кузьмина Е. Н. Несказочная проза народов Сибири: опыт подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» // Актуальные проблемы сибирской фольклористики: Материалы Всерос. науч. конф. (4–7 ноября 2008 г., Новосибирск). Новосибирск, 2008. С. 57–71.

¹⁹ Общий архивный фонд Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, инв. № 2914.

²⁰ Там же, инв. № 1754/д.

²¹ Там же, инв. № 2295/1.

Кузьмина Е. Н. Основные научные принципы публикации фольклорных произведений (на материале томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока») // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 5–12.

Лиморенко Ю. В. Издание несказочной прозы в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»: методика и принципы // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (вып. 31). С. 11–15.

Мифы и легенды народов мира. М.: Литература; Мир книги, 2004. Т. 9: Народы России. 480 с.

Юша Ж. М. Современное бытование несказочной прозы у тувинцев Китая // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (вып. 31). С. 126–131.

References

Buryatskie narodnye skazki [Buryat folk tales]. E. V. Barannikova, S. S. Bardakhanova, V. Sh. Gungarov (Comps). Ulan-Ude, 1976, 445 p. (In Russ.).

Kuz'mina E. N. Neskazochnaya proza narodov Sibiri: opyt podgotovki toмов serii “Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka” [Non-folktale prose of the peoples of Siberia: the experience of preparation Volumes the series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and Far East”]. In: *Aktual'nye problemy sibirskoy fol'kloristiki: Materialy Vseros. nauch. konf. (4–7 noyabrya 2008 g., Novosibirsk)* [Actual problems of Siberian folkloristics: Materials of All-Russian scientific conference (November 4-7, 2008, Novosibirsk)]. Novosibirsk, 2008, pp. 57–71. (In Russ.).

Kuz'mina E. N. Osnovnye nauchnye printsipy publikatsii fol'klornykh proizvedeniy (na materiale toмов serii “Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka”) [The main scientific principles of publication of folk texts (based on the series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and Far East”)]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 1, pp. 5–12. (In Russ.).

Limorenko Yu. V. Izdanie neskazochnoy prozy v serii “Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka”: metodika i printsipy [Publication of non-fairy tale prose in the series “Monuments of Folklore of Peoples of Siberia and the Far East”: methods and approaches]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2016, no. 2 (iss. 31), pp. 11–15. (In Russ.).

Mify i legendy narodov mira [Myths and legends of the peoples of the world]. Moscow, Literatura; Mir knigi, 2004. Vol. 9. Narody Rossii [The peoples of Russia]. 480 p. (In Russ.).

Yusha Zh. M. Sovremennoe bytovanie neskazochnoy prozy u tuvintsev Kitaya [Modern existence of non-fairy tale prose among Tuvans of China]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2016, no. 2 (iss. 31), pp. 126–131. (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
22.11.2021*

Сведения об авторе

Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН) (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: bch58@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3672-1566

Information about the Author

Badma-Khanda B. Tsybikova – Candidate of Philology, Docent, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: bch58@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3672-1566